

В центральной части Жития, как было указано, читаются многочисленные рассказы-эпизоды, каждый из которых образует более или менее самостоятельную единицу повествования. Перед Нестором стояла задача: так включить их в Житие, чтобы они не нарушали единства повествования и не производили впечатления механических вставок. С задачей этой Нестор справился успешно. Каждый рассказ он вводил формулами, которые сами по себе уже в какой-то мере мотивировали его включение в Житие, а повествованию в целом придавали сказовую непосредственность: «И в един день», «И се же паки», «Паки же некогда в един от дний», «Бе же ту един брат», «И се ми исповеда един от братия» и пр. Отдельные рассказы объединял по сходству содержания или по имени героя (сказания о боярине Клименте); нередко уже в предшествующем рассказе строил мостки для перехода к последующему: так, например, рассказ о неожиданном приезде в монастырь князя Изяслава в послеобеденный час предваряется сообщением о приказе Феодосия в час этот запираť монастырские ворота; рассказ о попытке разбойников ограбить монастырь — сообщением о строительстве нового «двора» и о том, что монастырь в это время не везде был защищен оградой.

Повествовательный стиль Нестора прост, почти лишен риторического словесного орнамента. Это не значит, однако, что Нестор совсем не ценил «высоких», книжных речений. Изредка, в особо патетические моменты повествования, они у него встречаются («о крылатев же умом», «разбогате в благодатию», «о градився верою»).

Одна «украшающая» изложение особенность повествовательного стиля Нестора, впрочем, должна быть отмечена; она не лишена своеобразной изысканности и может быть охарактеризована как реализация метафоры.

В изображении Нестора центральный герой Жития — Феодосий не раз выступает в окружении более или менее торжественно книжных эпитетов и иносказаний; не последнее место среди них занимает сравнение Феодосия со «свотильником» — он ярко светит во тьме, распространяя лучи и озаряя собою все окружающее. Метафора эта у Нестора подчас «овеществляется» — в разного рода видениях, свидетелями которых являются посторонние монастырю люди, обычно миряне. Темной ночью они видят над Печерским монастырем свет «пречюден»; источник света им не ясен, и это исполняет их «страхом» и «ужасом». Нестор, следуя монастырской легенде, подробно описывает такие видения. Одно из них (в рассказе «о богопоказаннем свете», как называется он в поздних списках Жития) в изображении Нестора по своей живописной технике напоминает фрески или миниатюры: на темном фоне сноп света — в свете том, «посреди монастыря пред церковью», во весь рост фигура молящегося Феодосия с воздетыми к небу руками.

Аналогичный случай — в рассказе о Варлааме, сыне боярина Иоанна. К пещере Антония с целью постричься в монахи он приходит «во славе велице» — в сопровождении многих слуг и коней в богатой «утвари», одетый в одежду «светлу». В контексте рассказа вся эта «слава велика» — развернутая метафора «мира сего» и его соблазнов. И она тоже наглядно «овеществляется», притом дважды: и здесь, когда Варлаам в знак отречения от мира сбрасывает с себя светлую одежду, расстается со слугами и конями, и несколько ниже — когда боярин Иоанн пытается насильно вернуть сына в мир и приказывает надеть на него светлую одежду, а Варлаам бросает ее в грязь и топчет ногами.

Написанное Нестором Житие Феодосия Печерского — наглядный показатель высокого уровня, какого художественная повествовательная проза древней Руси достигла уже во второй половине XI в. Не удивительно, что